

РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVII в.

XVII век — это век, в который начинается, по определению В. И. Ленина, «новый период в русской истории (примерно с 17 века)». ¹⁷ Предпосылки этого нового периода лежали в экономике — в образовании всероссийского рынка, в преодолении экономической раздробленности и во все «усиливающемся обмене между областями».

Русская культура этого периода отличается смешением противоречивых явлений: остатков старого и элементов нового. Крайне архаичные формы вмещают новое содержание. Старое и новое находятся в непрерывной борьбе. Новое побеждает медленно, но неуклонно.

Новое сказывается прежде всего в значительном обмирщении культуры. Влияние церкви ослабевает. Появляются целые области культуры, в которых воздействие церкви не заметно, или заметно очень мало.

Усиливается и роль народных масс. XVII век — это век народных (крестьянских и городских) восстаний, из которых самым большим было движение под руководством Степана Разина. Народные массы все больше и больше осознают свою роль в жизни страны, стремятся воздействовать на ход событий. Развивается и чисто народная культура: народное прикладное искусство, фольклор, грамотные представители народа пишут литературные произведения, растут вольнодумство и антицерковные настроения.

*

Сельское хозяйство XVII в. развивалось главным образом за счет расширения владений Русского государства

¹⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 137.

на юге и северо-востоке. Под прикрытием укрепленных линий, которые строило правительство в степи для защиты от кочевников, селились крестьяне, бежавшие сюда из центральных районов от все усиливавшегося закрепощения и невыносимой эксплуатации. Южные области Русского государства с их черноземной почвой давали большие урожаи хлеба, которые шли на продажу.

Разрасталось огородничество и садоводство. В XVII в. было уже известно около двух десятков различных сортов яблонь. Разводились дыни, груши, сливы (черные и красные), вишни, смородина, крыжовник, малина, земляника, клубника и др.

Богатая пушиной Сибирь давала ценный мех. Мех получали как «ясак» (подать) с местного населения, его добывали и русские охотники.

Характерная черта сельского хозяйства XVII в. — это увеличение выпуска его продуктов для продажи. Хлеб, пенька, лен, конопля становятся все более важными объектами торговли не только внутри Русского государства, но и с заграницей.

Значительного развития в XVII в. достигает металлургия. Ясно определяется несколько крупных центров металлургического производства. Из них первое место занимает Тульско-Серпуховский район, затем Тихвин, Заонежье, Галич, Нижний Новгород и др. Мастера этих районов работали и на заказ, и на рынок.

Государство уже в 20-е годы XVII в. строило заводы на Урале и в Томске. В 30-е годы было открыто месторождение медной руды около Соликамска и построен Пыскорский медеплавильный завод. В 1637 г. голландский купец А. Д. Виниус по соглашению с русским правительством построил в районе Тулы три вододействующих железоделательных завода, вскоре перешедшие во владение датчанина П. Марселиса и голландца Ф. Акему. Появились заводы около Каширы, в Олонецком крае, в селе Павловском около Звенигорода, в районе Воронежа и др. Многие из этих заводов были оборудованы на основе новейшей европейской техники. Одним из наиболее совершенных предприятий этого рода был московский Пушечный двор,

где отливались не только различные орудия («пищали» для прицельной стрельбы, «мортиры» для навесной стрельбы, «тюфяки» для картечи и многоствольные «органы» для пальбы залпом), но и колокола, паникадила (люстры) и др. Большинство мастеров Пушечного двора были русские. Здесь вводились различные технические усовершенствования, новые системы орудий и т. д. Пушки и колокола богато украшались. Поэтому на предприятии работали и художники — резчики и живописцы.

В московской Оружейной палате производилось легкое оружие (холодное и огнестрельное). Оружейной палате были подчинены Золотая и Серебряная палаты — своеобразные центры богато развившегося в XVII в. ювелирного искусства. Во всех этих трех палатах работали самые различные мастера: оружейники различных специальностей, живописцы, столяры, токари, кожевники, резчики по кости, мастера золотого и серебряного дела (плавильщики, формовщики посуды, литцы, знаменщики — художники, делавшие рисунки, резчики, чеканщики, басменщики, делавшие басму, сусальники, покрывавшие изделия тончайшим сусальным золотом, и мн. др.).

Значительного размаха достигло плотничное дело — особенно на Севере. Здесь славились плотники Каргополя, Мезени, устюжские, двинские, вятские, вологодские. Двинские и каргопольские плотники были также и превосходными лодейными мастерами. Удобство и быстрходность русских лодей, плававших по Ледовитому океану и Белому морю, отмечали еще в XVI в. английские моряки. Строительство домов велось не только по заказам, но и на рынок. Путешественник Адам Олеарий отмечал, что в Москве на лесном рынке можно было приобрести целый дом, который затем перевозился в разобранном виде и мог быть собран там, где нужно.

Организовывались кожевенные заводы (например, в Пскове), текстильные предприятия (в Кадашевской слободе в Замоскворечье, в Тверской, Константиновской слободе, в Хамовниках под Москвой, в Ярославском уезде и др.), стекольные заводы (в селе Духанике под Москвой). Широких масштабов достигло канатное производство, сильно разрослись соляные варницы — особенно в Соли Камской, где было свыше 200 варниц, ежегодно вываривавших до 7 миллионов пудов соли. На всех этих предприя-

тиях использовались и вольнонаемные работники и крепостные.

Прикладное искусство в XVII в. переживало изумительный расцвет. Любая вещь крестьянского или боярского быта была произведением искусства. Резьбой покрывалась мебель, прялки, посуда, наличники окон, двери, фронтоны зданий. Все это ярко расписывалось. Здания украшались цветными изразцами. Художественное прорезное железо широко применялось в быту.

Получило распространение «низание» — из речного жемчуга, драгоценных камней и металлических пластинок. Низаньем украшались оплечья (воротники), подолы, рукава одежды богатых людей. Особенностью шитья этого времени явились золотые и серебряные нити, которые накладывались на основную материю и прикреплялись к ней тонким шелком. В ювелирном искусстве мастера обильно использовали многоцветную эмаль, жемчуг, драгоценные камни.

Жизнь феодальных верхов достигает необыкновенной пышности, контрастирующей страшному обнищанию народных масс.

*

Значительно возросла в XVII в. и внешняя торговля. Через Архангельский порт отправлялись в Западную Европу кожа, рожь, ячмень, пшеница, пенька, лен, холст, поташ, меха, щетина и т. д. В восточные страны через Астрахань и сибирские города шли меха, моржовая кость, кожа и т. д. Из Западной Европы ввозились к нам сукна, металлы (олово, свинец, медь), оружие, жемчуг и драгоценные камни, бумага, пряности, благовония, различные химические товары и т. д. С Востока шли к нам шелк-сырец, шелковые ткани, ковры, различные дорогие вещи. С середины XVII в. установилась непосредственная торговля с Индией, а в последней четверти XVII в. — с Китаем.

*

Если говорить о самом общем впечатлении, которое оставляет знакомство с памятниками русского зодчества XVII в., то это будет впечатление резкого усложнения ар-

хитектурных форм, впечатление праздничного богатства и быстрого движения вперед сравнительно даже с пышным и торжественным XVI веком.

На место все еще существовавших в XVI в. областных, ограниченных пределами какой-то территории архитектурных школ (московской, новгородской, ярославской и т. д.) встало единое, нерасчлененное по областям искусство. И это искусство формировалось под влиянием нового мировоззрения, нового, не аскетического отношения к внешнему миру, к природе, к человеку. Новое миропонимание сказывалось и в установлении связи здания с природой путем раскидистых лестниц, крылец, переходов, «галдарей» (например, церковь в Филях в Москве 1693—1694 гг.), и в общем живописном решении архитектурных задач, и в исключительной декоративности зданий, и в богатстве орнаментации, и во внесении цвета в архитектуру, широко использующей многоцветную окраску и керамику (собор Нового Иерусалима, ярославские храмы, Крутицкий терем в Москве и др.), и в стремлении создать колоссальное внутреннее пространство (собор Нового Иерусалима), грандиозные архитектурные ансамбли (сооружение верхов башен Московского Кремля, кремль Ростова Великого и многое другое).

Многочасность московской архитектуры XVII в. отмечали и иностранцы. Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в его путешествии в Россию и оставивший о последней подробные записки, так описывает московскую городскую застройку: «Большая часть их (жилых домов, — Д. Л.) новые, из камня и кирпича. Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество, множество окон и колонн с резьбой, кои по сторонам окон, на высоту их этажей, как будто они крепости, на их огромные башни, на обильную раскраску разноцветными красками снаружи и внутри: кажется, как будто это действительно куски разноцветного мрамора или тонкая мозаика».

XVII веку принадлежит множество шедевров русской архитектуры. Сюда относятся превосходные образцы народной деревянной архитектуры, особенно обильные на русском Севере, — Владимирская церковь в селе Белой Слуде Архангельской области (1642 г.), Ильинская церковь в селе Чухчерье близ Холмогор (1657 г.), Успенская церковь в селе Варзуге Мурманской области (1674 г.),

церковь в селе Юромском Архангельской области, церковь в селе Богословском близ Ростова (1687 г.), деревянные стены и башня Якутского острога (1683 г.), острог Нико-ло-Карельского монастыря на Северной Двине (1691—1692 гг., одна из башен его перевезена в музей села Коломенского под Москвой) и продолжающие традиции XVII в. красивейшие церкви XVIII в. Кижского погоста и в селе Кондопоге на Онежском озере.

«От древних деревянных срубов веет несокрушимой мощью, — пишет М. В. Алпатов. — Когда смотришь на эти строения, возникает образ мужественного русского крестьянина, который с топором в руках пробивался сквозь чащу леса, возводил города и села, обводил их тыном, строил прочно, работал дружно, неутомимо».¹⁸

В традициях народного деревянного зодчества был выстроен в 1667—1668 гг. и знаменитый деревянный дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском под Москвой. Постройки этого дворца были разобраны в 60-е годы XVIII в., но от него сохранились чертежи и рисунки. По ним мы можем составить довольно полное представление об этом огромном сооружении, состоявшем из большого числа различных деревянных построек, объединенных между собою сенями и крытыми переходами. Хоромы дворца были крыты самыми разнообразными кровлями, украшены позолотой и расписаны яркими красками. Поэт XVII в. — Симеон Полоцкий называл Коломенский дворец восьмым чудом света.

Тяга к нарядности, к украшениям, к многоцветности в архитектуре сказалась и в надстройке башен Московского Кремля шатровыми верхами, и в здании Теремного дворца Московского Кремля (1635—1636 гг.).

Каменное гражданское зодчество XVII в. чрезвычайно разнообразно. Здесь и совершенно простые, лишенные какой бы то ни было декоративной отделки купеческие палаты, вроде палат купцов Поганкиных в Пскове (1670-е годы), и пышно украшенные здания Земского приказа или Сухаревой башни в Москве.

Образование общерусской единой архитектуры отнюдь не исключало возникновения новых местных архитектурных школ, органически слитых с общим движением русского

¹⁸ М. В. Алпатов, ук. соч., стр. 352

зодчества в целом. В середине XVII в. особенно выдвинулась ярославская архитектурная школа, тесно связанная с народными традициями и местными особенностями природы и быта. Целый ряд ярославских церквей XVII в. принадлежит к лучшим произведениям русского искусства и пользуется всемирной известностью: церковь Ильи Пророка (1647—1650 гг.), Иоанна Златоуста в Коровниках (1649—1654 гг.), Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687 гг.). Наряду с другими волжскими церквями ярославские постройки XVII в. замечательны соединением монументальности с жизнерадостным разнообразием декоративного убранства. Многоцветные росписи внутри них сочетаются с многокрасочной отделкой снаружи.

В XVII в. создаются крупные архитектурные ансамбли. Среди них особенно замечателен архитектурный ансамбль Ростова Великого. Это целый кремль, но кремль, лишенный какого бы то ни было военного значения, он имел чисто декоративный характер. Высокие стены, башни, разнообразные верха церквей, повторенные в глади озера Неро, на берегу которого он расположен, напоминают театральную декорацию. Это одно из самых красивых русских архитектурных сооружений.

Сильнейшее воздействие на развитие пышности, узорчатости и усложненности фасадов оказывало украинское барокко. Очень интересен своеобразный стиль, созданный зодчими бояр «западников» — Галициных и Нарышкиных, — так называемое «нарышкинское барокко». К числу выстроенных в этом стиле зданий относится всемирно известная московская церковь Покрова в Филях (1693—1694 гг.), церковь Успения на Покровке (1696—1699 гг.), построенная русским крепостным мастером Петром Потаповым, постройки купцов Строгановых в Сольвычегодске и в Нижнем Новгороде.

Архитектурное мастерство, достигшее в XVII в. исключительной сложности и разнообразия форм, задерживалось тем не менее в своем развитии старой организацией строительства, не отвечавшей запросам архитекторов, старыми строительными приемами, старыми способами обучения зодчих и недостатком теоретических знаний. Этот разрыв между стремительным движением вперед архитектурной мысли и отставанием форм строительства с годами становился все более и более угрожающим.

Древняя Русь не знала специального архитектурного обучения. Зодчие воспитывались исключительно на практической работе. Они начинали свою работу простыми каменщиками и овладевали архитектурными знаниями в течение долгих, иногда нескольких десятков лет. Очень часто строительное дело было семейной профессией, передавалось от отца к сыну, из поколения в поколение. В этих условиях традиционные формы достигали высокого совершенства, однако введение новых конструктивных решений крайне затруднялось.

Особенно тормозило развитие архитектуры к концу XVII столетия неумение произвести предварительные расчеты или точно отобразить архитектурные замыслы в чертеже. В чертежах господствовали иконописные приемы условного изображения зданий. Иногда здания обозначались как бы с птичьего полета, отдельные части зданий изображались в условной, «обратной», перспективе, как на иконах и т. д. В результате выстроенное здание резко расходилось с чертежом, а чертеж не соответствовал местности и требовал исправления в процессе строительства, как это было, например, при сооружении Архангелогородского гостиного двора.

Поиски все новых и новых форм — в родной старине, в народном творчестве, на Западе, на Украине, на Востоке, — непрерывные изменения, срывы и гениальные удачи — все это было признаком сложных борений живого, сильного и одаренного организма с вставшими на его пути препятствиями. Великая русская архитектура, накопившая в XVII в. изумительное разнообразие форм, сложная, богатая, жизнерадостная двигалась архитекторами, работавшими в основном «на глазок», по памяти, без точных чертежей, не получившими специального образования, претворявшими в действительность свои замыслы главным образом благодаря своей «сметке» и изумительной личной одаренности. Дальнейшее развитие русской архитектуры требовало полной перестройки специального образования зодчих и новой теоретической основы строительного искусства. Недостатки теоретической подготовки московских зодчих пытались восполнить переводом различных руководств по строительному делу. В Пушкарском приказе находился ряд книг, переведенных для московских зодчих: «Книга, в ней писаны как учить делать каменного дела

церквей и палат», «Книга, в ней писаны образцы столбов в церкви или палате, или у мостов каменных и колен около столбов и около церкви, где доведется делать», «Книга, в ней писаны образцы всяким немецким городам, земляным и каменным, и чертежам учить чертить...»

Однако отдельные практические руководства не могли изменить положения дела. Разрыв между колоссально возросшим и усложнившимся искусством архитектуры и его технической базой был слишком велик.

Таким образом, русская архитектура XVII в., достигшая сложного, богатого и разнообразного цветения форм, находилась, однако, на пределе своих возможностей. Необходима была коренная ломка и изменение всех организационных форм строительства, чтобы русская архитектура, двигавшаяся поразительным напряжением высоких личных способностей зодчих, могла продолжать свое быстрое поступательное развитие.

*

Аналогичные противоречия мешали дальнейшему движению вперед и живописи. Трудная техника иконописи, восходящая своими корнями еще к эллинистической энкаустике (живописи восковыми красками на дереве) и хорошо отвечавшая потребностям условного средневекового искусства, отличалась негибкостью и не могла служить новым требованиям, предъявляемым к живописи во второй половине XVII в. Яичные краски иконописи с трудом могли быть смешиваемы и почти не допускали передачи светотени, воздушной перспективы, мягкой моделировки форм, а в конечном счете и реального отображения действительности. Между тем жизнь толкала русских иконописцев к реальной передаче внешнего мира.

В самом деле, в XVII в. постепенно разрушается старое условное представление о пространстве, об интерьере. Вместо того, чтобы, как прежде, для изображения действия, происходящего внутри здания, помещать его на фоне этого здания, иконописцы пытаются создавать иллюзию реального пространства. Палаты, которые прежде изображались только с внешней стороны и в чрезвычайно уменьшенных сравнительно с человеческими фигурами размерах, теперь растут на изображениях в высоту и вширь и как бы

надвигаются на зрителя. Прежнее условное отделение переднего плана с крупными человеческими фигурами от заднего с изображением уменьшенных в размерах зданий сохраняется лишь на некоторых иконах, подражающих старине. Мало того, в надвинувшихся на зрителя зданиях, в стене, прямо противоположной зрителям, открываются окна, обращенные в пространство за зданиями. Сперва темные, они затем начинают изображаться со светлыми стеклами, давая ощущение пространства и за пределами здания. Вместе с тем раздвинувшееся на изображениях пространство вводится постепенно в законы линейной перспективы.

Это новое ощущение живописной глубины, новое реалистическое представление о пространстве, требовали конечно, совсем особых средств для своего выражения, не известных иконописной технике. Перенесение в иконопись линейной и воздушной перспективы, светотени, введение целого ряда новых объектов в живопись, ранее не известных иконописному мастерству, изображение реальной архитектуры, а иногда и реального пейзажа с более или менее правдоподобными, не условными деревьями — все это было отходом от заветов старого иконного письма, державшегося строго традиционных приемов и традиционных сюжетов, и требовало перехода к совершенно иным принципам живописи.

Особенно сильное влияние на иконопись, в смысле разрушения иконописных традиций, оказало искусство портретов. Жанр этот, первоначально стоявший несколько обособлено, затем, во второй половине XVII в., начал оказывать разительное действие на иконопись и возбудил горячие, принципиальные споры, заставившие русское общество выбирать между условным и реалистическим изображением действительности. Портретное искусство требовало пластического воспроизведения человеческих лиц, передачи светотени, мягкой моделировки форм, недоступных иконописной технике.

Особенное значение имело изображение человеческого лица в творчестве крупнейшего русского художника XVII в., признанного авторитета и руководителя художественного движения своего времени, — Симона Ушакова. Иконописный «лик» постепенно уступает место в творчестве Ушакова простому человеческому лицу. Впервые в рус-

ской живописи Симон Ушаков решает ряд задач воспроизведения пластики человеческого лица. Он производит исключительно трудную техническую работу, подражая в иконном письме масляной живописи, но остается эклектиком, не сумев решительно отказаться от приемов древнего русского искусства.

Таким образом, новые задачи, стоявшие перед русской живописью в XVII в., движение русской живописи от условных традиционных форм к правдивому и точному изображению «живства» властно требовали отказа от иконописной техники. О неудовлетворенности иконописанием свидетельствовал и такой факт, как приглашение иностранных художников и щедрая оплата их труда.

Во второй половине XVII в. разворачивается интенсивная деятельность Оружейной палаты, ставшей, в особенности под руководством боярина Хитрово, своеобразной русской Академией художеств, диктовавшей художественные вкусы русскому обществу. Начиная с середины XVII в. здесь сосредоточивается много русских и иноземных художников, рисовавших «с живства» и занимавшихся «парсунным» (портретным) мастерством. С 1643 г. при Оружейной палате работал «живописных дел мастер» голландец Иван Детерсон, обучивший за 12 лет трех учеников-русских. С 1656 г. здесь же работали смоленский шляхтич Станислав Лопуцкий, с 1659 г. — «греченин города Афины» Апостол Юрьев, с 1667 г. — «иноземец цысарские земли» (Австрии) Даниэль Вухтерс, с того же 1667 г. — «Шаховы области иноземец» армянин Богдан Салтанов, с 1687 г. — швед Гёк и т. д.

Многочисленные «парсуны» заезжих мастеров свидетельствуют о посредственном таланте большинства из них, так резко противостоящем изощренному мастерству русских иконописцев. Однако русская иконопись перестала удовлетворять изменившимся вкусам большинства, и это было главное. Все сильнее и смелее проявлялась тяга к европейской живописи, к ее более совершенным и более реалистическим принципам, с ее искусством светотени и перспективы, с ее реалистическим отображением действительности, которого не могло дать условное иконописание с его негибкой и трудной техникой. Конечно, дело шло не о простом переходе от одной техники живописи к другой — более гибкой и более отвечающей потребностям ее развития.

Дело шло о перестройке всей системы изобразительного искусства. Это перестройка могла совершиться лишь на новой основе и должна была сопровождаться отказом от иконописных традиций в целом.

*

Новые явления с особенной силой сказались в русской литературе XVII в. Литература этого периода характеризуется постепенным освобождением человеческой личности, разрушением старых средневековых представлений о человеке только как о составной части церкви, государства или сословия. Сознание ценности человеческой личности самой по себе, вне ее официального положения в обществе, развитие интереса к внутренней жизни человека, увлечение реальными радостями жизни — таковы были те первые проблески освобожденного сознания, которые явились знаменем нового времени.

Это новое отношение к человеческой личности, с такою силою сказавшееся в литературных произведениях XVII в., пришло на гребне волны крестьянских восстаний, городских волнений и церковных раздоров XVII в. Рушились общественные и религиозные учреждения, существование которых было освящено веками.

Уже эпоха борьбы с польской и шведской интервенцией начала XVII в. выдвинула на историческую арену народных деятелей не обычного в Древней Руси склада. В первые ряды русских национальных героев выдвинулись неизвестные дотоле люди, не принадлежащие ни к царствующим династиям, ни к княжеским родам, ни к черному духовенству. «Говядарь» (т. е. мясник) Минин, как одно из главных действующих лиц русской истории, рядом с князем Пожарским был бы совершенно невозможен в предшествующее столетие.

Широкие народные массы, положившие конец иноземной интервенции начала XVII в., реально осознали себя вершителями собственной исторической судьбы и с этих пор не раз заявляли о себе крупными бунтами и восстаниями в течение всего XVII в. Вот почему уже многочисленные исторические произведения о «Смутном времени» разрушали каноны древнерусской исторической литературы (летописей, исторических повестей, сказаний). В этих но-

вых произведениях говорится не только о действиях князей, царей, епископов, но главным образом о движении народных масс. Вместе с тем в них вводится непривычный до того автобиографизм: авторы и инициаторы исторических сочинений о событиях начала XVII в. — князь Хворостинин, Авраамий Палицын, патриарх Филарет и другие — стремятся в своих произведениях оправдать собственное поведение в годы интервенции. Эпический характер летописей сменяется в новых исторических сочинениях личной заинтересованностью мемуаристов, ищущих новой литературной формы для выражения нового содержания. Значительная часть текста в этих сочинениях посвящается характеристикам исторических деятелей (см., например, «Повесть» кн. И. М. Катырева-Ростовского). Живая человеческая личность со всеми ее достоинствами и недостатками становится в центр изложения. Лучшие произведения начала XVII в., посвященные событиям «Смуты», все в основе своей заняты характеристиками исторических деятелей — Федора Иоанновича, Бориса Годунова, В. Шуйского, Лжедмитрия I, патриарха Гермогена и мн. др. К этим лучшим произведениям начала XVII в. несомненно принадлежат «Иное сказание», «Сказание» Авраамия Палицына, «Повесть» Катырева-Ростовского, «Словеса дней и царей» Ивана Хворостинина, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. До начала XVII в. русские исторические сочинения описывали по преимуществу события, действия людей, но редко их характеризовали с такою полнотой.

Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII в. В 60-х годах дьяк Грибоедов пишет историю для детей, где дает психологические характеристики русских царей и великих князей. В конце XVII в. появляется «Повесть о Савве Грудцыне» — с центральной ролью, принадлежащей «среднему» неизвестному человеку. В этом произведении все внимание читателя приковано к внутренней жизни человека и к его личной судьбе. Не случайно «Повесть о Савве Грудцыне» называют первым русским романом.

По-прежнему, как и в предшествующие века, основными жанрами литературы остаются сказания, летописи, слова, поучения. Однако старая форма находится в резком противоречии с вторгшимся в литературу новым содержанием: новыми сюжетами, темами и идеями. Новое содержание по-

степенно разрушает стесняющие его застывшие и неподвижные жанры средневековой литературы.

Чрезвычайно характерное явление для этой своеобразной борьбы нового содержания со старой формой в литературных произведениях второй половины XVII в. представляет собою знаменитая автобиография — «Житие» протопопа Аввакума. По своим взглядам Аввакум крайний консерватор, пытавшийся воскресить идеологию эпохи Грозного, фанатический проповедник «старой веры». Однако как личность Аввакум — типичный представитель нового времени. Он борется, гневается, исправляет нравы, проповедует, как вождь, но не как святой-аскет прежних веков. Свою биографию Аввакум изложил в жанре старого средневекового «жития», но форма «жития» дерзко нарушена Аввакумом. Аввакум пишет собственное «житие», описывает собственную жизнь, прославляет собственную личность, что было бы сочтено верхом греховного самовосхваления в предшествующие века. Аввакум вовсе не считает себя обыкновенным человеком. Он сравнивает себя со святыми и передает не только факты, но и «чудеса», которые считал себя способным творить. Он дает обычный в житиях и апостольских деяниях круг «чудес». Как могло возникнуть подобное намерение — описывать собственную святость — у русского человека, воспитанного в традициях крайнего религиозного смирения?

Эгоцентризм жития Аввакума совершенно поразителен. Нельзя не видеть его связь с тем «психологизмом» XVII в., который позволил Аввакуму не только подробно и ярко описывать собственные душевные переживания, но и найти живые краски для изображения окружающих его лиц: своей жены Марковны, воеводы Пашкова, его сына, казаков и т. д. Все творчество Аввакума раздирается противоречиями между стариной и «новизнами». Язык его сочинений представляет собой исключительный по остроте контраст церковнославянизмов и живого разговорного просторечия. Высокопарные эпитеты соединяются с народными пословицами, душевный простецкий тон разговора сменяется тяжелой книжной речью в канонах XVI в. В изложении он постоянно переходит от чисто церковных вопросов к семейным, от молитвы к брани, к болтовне и злословию. Влияние всех жанров средневековой литературы ощущается в его произведениях: здесь и апостольские деяния, и сочи-

нения Грозного и митрополита Даниила, и жития, и сатирические произведения посадской литературы XVII в., и устное народное творчество, и Библия. Аввакум обращается к самым разнообразным традиционным приемам литературного творчества, чтобы передать волнующие его новые темы.

Сознание ценности человеческой личности развивается в литературе XVII в. параллельно с сознанием значения народа в исторических событиях. Это наблюдается уже в исторических сочинениях, посвященных «Смуте», но еще более отчетливым оно становится в ряде произведений середины и второй половины XVII в. — таких, как повести о завоевании Сибири атаманом Ермаком с казаками, повести об Азовском осадном сидении казаков и др. Во всех этих повестях народными массы по собственной инициативе присоединяют к Русскому государству города и области и сами за свой риск и страх обороняют их, проявляя беззаветную храбрость и мужество. Характерно, что и написаны эти повести со следами народной поэзии. Если в группе повестей о завоевании Сибири народными массами руководит Ермак и Ермак прославляется как личность, то в группе повестей об Азовском осадном сидении казаков нет даже и такой личности, нет вождя. Казаки действуют сообща и прославляются как организованный народ — «великое воинство донское».

Пробудившаяся инициатива народных масс сказывается в появлении чисто народной литературы. Создателями этой литературы были простые крестьяне, ремесленники, мелкое духовенство, влачившее жалкое существование — то в церковных хорах, то в незначительных церковных приходах, иногда мелкие торговцы и вовсе бездомные люди, «скитавшиеся меж двор» и перебивавшиеся случайными заработками. Для произведений этой народной литературы характерна их живая связь с фольклором и резко критическое отношение к действительности. По большей части это произведения сатирические, зло осмеивавшие суд, порядки монастырей, социальное неравенство и пр. В этих произведениях выражаются жалобы на голод, холод, «безживотие безмерное» и «недостатки последние».

К числу лучших произведений этой демократической литературы принадлежат: «Повесть о Ерше Ершовиче», описывающая под видом тяжбы между ершом и лещом —

обитателей Ростовского озера — земельные тяжбы XVII в., «Повесть о Шемякином суде», изобличающая взяточничество судей, «Азбука о голом и небогатом человеке», рассказывающая о злключениях бедного москвича-посадского, «Служба кабаку», дающая яркую картину кабацкого пьянства, «Повесть о попе Савве», изобличающая взяточничество духовенства, «Повесть о куре и лисице» и «Повесть о бражнике», выступающие против церковного лицемерия, «Калязинская челобитная», дающая яркое представление о пьянстве в монастырях, «Лечебник, как лечить иноземцев», выражающий враждебное отношение к различным искателям легкой наживы из иностранцев, нахлынувших в Россию в середине XVII в., и мн. др.

В этих народных произведениях мы нередко сталкиваемся с такими чертами, которые далеко опережают свою эпоху. К таким произведениям, как бы вырывающимся за пределы эпохи, их породившей, принадлежит, например, исключительная по глубине содержания и силе выражения «Повесть о Горе-Злочастии» — явление, далеко еще не оцененное по достоинству. Своими гуманистическими тенденциями «Повесть» во многом опережает и литературу своего времени, и литературу первой половины XVIII в.

«Повесть» рисует «злую немерную наготу и босоту и бесконечную нищету», «недостатки последние» героя повести — некоего безымянного молодца. «Повесть» с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом дает образ безвольного, бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения. Это один из самых невзрачных персонажей, какие когда-либо изображала русская литература. И вместе с тем, не осуждение неудачливого молодца, не сумевшего жить по житейским правилам окружающего его общества, а теплое сочувствие к его судьбе чувствуется в повести. В этом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» — явление небывалое, из ряда вон выходящее в древней русской литературе, всегда суровой в осуждении грешников, всегда прямолинейной в различении добра и зла. Впервые в русской литературе участием автора пользуется персонаж, нарушивший житейскую мораль общества, погрязший в пьянстве и в азартной игре, сведший дружбу с кабацкими питухами (пьяницами) и костарями (игроками в кости), в уши которого «шумит разбой», бредущий неведомо куда в «гуньке кабацкой»

(рогожной одежке, в которой выпускали из кабаков пропившихся до нага пьяниц). Впервые в русской литературе с такою силой и проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека, с таким драматизмом рисовалась судьба павшего человека. Здесь впервые была провозглашена ценность человеческой личности самой по себе — независимо от того состояния, до которого она была доведена внешними обстоятельствами. Этим гуманистическим отношением к человеку «Повесть о Горе-Злочастии» прямо предшествует великой русской литературе XIX в.

Удача автора «Повести» в значительной мере может быть объяснена его смелым обращением к формам устного народного творчества. В тех поисках новой формы, которые были так характерны для второй половины XVII в., автору «Повести» удалось набрести на выразительные и свободные средства народной поэзии. Но «Повесть о Горе-Злочастии» не проложила новых путей в литературе. Это была находка отдельного автора. Сдерживаемая силой средневековых традиций русская литература, как и вся русская культура, продолжала изживать формы старого творчества.

*

Ко второй половине XVII в. относится возникновение русского театра. Элементы театрального искусства были в России и раньше: в представлениях скоморохов и в церковной службе, но регулярный, современный характер — с написанным текстом пьес, с особым помещением для театральных представлений — зрительным залом, сценой, — с декорациями и бутафорией, театральные представления в России обрели только в 1672 г. В этом году был организован театр при дворе царя Алексея Михайловича. Первое представление состоялось на немецком языке, постановщиком его был пастор Грегори из Немецкой слободы в Москве. Первыми актерами и декораторами были также иноземцы. Но вскоре стали набираться русские актеры и пьесы ставились уже на русском языке. Содержанием пьес служили библейские легенды и некоторые исторические и мифологические события. На устройство театра тратились огромные средства, и пьесы ставились с большой пышностью, но серьезного значения в истории рус-

ской культуры этот первый театр не имел. После смерти Алексея Михайловича театр был закрыт и новые театральные представления появились затем только при Петре I.

*

В течение всего XVII в. происходило накапливание практических знаний. Особенно велик вклад русских людей XVII в. в мировую географическую науку. Русские сделали ценнейшие географические открытия на севере и северо-востоке Азии. В 1633 г. Ребров и Перфильев прошли по реке Лене до ее устья, а дальше в 1636 г. по морю до реки Яны и Индигирки. В 1641 г. Стадухин прошел по Индигирке и дальше морем до Колымы. В 1643—1646 гг. Поярков обследовал берега Охотского моря, а в 1648 г. Попов и Дежнев проплыли из Ледовитого океана в Тихий, установив, что Азия отделена морем от Америки. В 1647—1651 гг. Дежнев совершил свое путешествие по Амуру. Русские «землепроходцы» оставили интереснейшие записи о путешествии в Китай и в Монголию (И. Петлин, Ф. Байков, Н. Спафарий).

Географические материалы обобщались в Сибирском приказе. Сюда поступали устные сведения, статейные списки и чертежи. Европейские географы стремились всеми способами получить русские географические материалы из Посольского и Сибирского приказов. Целый ряд западноевропейских географических работ был основан на русских материалах. Среди этих работ в первую очередь следует назвать известную книгу голландца Витсена «Северная и Восточная Татария», а также работы голландца Исаака Массы, французов Невилля и Авриля, англичанина Коллинса и др.

Особенное значение имела составленная в 1627 г. в Разрядном приказе «Книга Большому чертежу», содержащая перечень городов, сведения о расстояниях между ними и краткие географические заметки. Составлена эта книга была для «государевой службы — посылок», но имела более широкое познавательное значение и постоянно дополнялась новыми данными.

В конце XVII в. выдвигаются и первые ученые-географы. К ним в первую очередь следует отнести разносто-

ронне одаренного собирателя сведений о Сибири тобольского жителя Семена Ремезова. Ремезов был живописцем, знаменщиком (рисовальщиком), выдающимся картографом, архитектором, историком Сибири, своеобразным этнографом и археологом. На основании приговора Сибирского приказа 1696 г. Семен Ремезов составил чертеж всей Сибири, в 1701 г. он закончил грандиозный атлас Сибири. Помимо этого, Ремезов составил этнографическую карту Сибири с соответствующим описанием, а также «Историю сибирскую».

*

Как бы ни были, однако, высоки достижения отдельных ученых, архитекторов, техников, первооткрывателей, как бы ни были ценны сами по себе отдельные накопленные знания, движение науки вперед сильно тормозилось тем, что школы по-прежнему находились еще в основном в руках церкви, систематическое образование было по преимуществу церковным, накопленные знания передавались кустарно, налаженного светского, научного и технического обучения не существовало. Талантливые самоучки принуждены были собственными усилиями преодолевать препятствия, которые на каждом шагу ставило им отсутствие училищ, научных учреждений, учебников, научных библиотек.

Развитие ремесла, промышленности, металлургии, архитектуры, техники в целом в середине и во второй половине XVII в. привело ко все нарастающему накоплению эмпирических знаний, но это накопление знаний, опыта, искусства приходило во все большее противоречие с отсутствием технических школ, светского высшего образования, ученых учреждений, настоящей исследовательской (в особенности экспериментаторской) работы. Развитие архитектуры, металлургии, кораблестроения и кораблевождения, артиллерии, военного дела в целом, медицины задерживалось недостаточным развитием теоретической мысли в области математики, физики, химии, ботаники и т. д. Выход из затруднения безуспешно пытались найти в иностранных книгах.

В XVII в. резко усилился приток иностранных книг, изданий античных классиков, исторических, географи-

ческих, медицинских, философских, естественнонаучных сочинений, лексиконов и т. д. Часть из них переводилась на русский язык. В 1637 г. был переведен труд Меркатора под названием «Книга, глаголемая космография». Были переведены первые четыре тома атласа Блеу, география Луки де Линда, в которых пропагандировалась система Коперника. Изложение системы Коперника имелось и в изданном на русском языке в середине 70-х годов XVII в. переводе книги данцигского астронома Гевелия «Селенография» («Описание луны»).

В XVII в. предпринимались попытки создания ряда собственных практических руководств. Сведения по математике, физике и химии сообщал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» — компилятивное, полусамостоятельное произведение Анисима Михайлова. Прямыми предшественниками петровских изданий по военному делу явились переводы книг Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения некоторых людей» и «Голландский воинский устав о наказаниях».

Значительно увеличилось количество библиотек и расширился их состав. В XVII в., кроме библиотек монастырей, известны библиотеки Посольского приказа, библиотека Московской типографии, царская библиотека, библиотека отдельных представителей знати — А. Л. Ордын-Нащокина, А. С. Матвеева, князя Голицына. Ценителем книги выступает и патриарх Никон, не только собравший большую собственную библиотеку, но имевший также обыкновение дарить книги монастырям. В библиотеках этого времени, кроме русских, было много книг на латинском, греческом, польском, немецком и других языках.

Однако в каждой области народной жизни явственно ощущались затруднения с обучением специалистов, недостаточность глубоких теоретических научных знаний, теоретических руководств. Открыть путь дальнейшему развитию архитектуры, металлургии, артиллерии, кораблестроения было невозможно без общих широких мероприятий.

Затруднения не могли быть решены путем перевода и издания отдельных книг или простым открытием технических школ. Было общее препятствие, лежавшее в самом характере средневекового просвещения. Это препятствие должно было быть во что бы то ни стало устранено, хотя

русская образованность XVII в. находилась отнюдь не на низком уровне.

В самом деле, данные, тщательно собранные академиком А. И. Соболевским, свидетельствуют о широком распространении грамотности во всех слоях населения, не меньше, чем в Западной Европе XVII в. По подсчетам А. И. Соболевского, процент грамотных среди землевладельцев дальнего севера в первой половине XVI в. превышал 80; процент грамотных между новгородскими помещиками конца XVI—начала XVII в. был не ниже 55; процент грамотных при дворе в конце XVI в. был выше 78; процент грамотных между посадскими людьми XVI и XVII вв. был не ниже 20, среди крестьян в XVII в. не ниже 15. Белое духовенство было поголовно грамотным.

О грамотности можно судить и по данным распространения букварей. Во второй половине XVII в. Московский печатный двор издал более 300 000 букварей. Бывали годы, когда весь тираж букварей раскупался за несколько дней. Наличие обширной и сложной народной сатирической литературы свидетельствовало о глубоком интересе к чтению даже среди посадских людей и среди крестьян.

Можно также полагать, что знание греческого и латинского языков, знание богословской литературы были широко распространены среди верхов феодального общества в XVII в.

Потребность в образовании живо ощущалась. Именно этим было вызвано во второй половине XVII в. устройство правительственных и частных школ. Школы были открыты в Чудовом (1653 г.) и Спасском (1665 г.) монастырях. Ф. М. Ртищев завел школу в своем Андреевском монастыре (1648—1649 гг.). Целью этого обучения было по преимуществу овладение языками: латинским и греческим. Попутно вместе с тем вводились науки, связанные своим содержанием со средневековой образованностью: грамматика, риторика и философия. В 1668 г. прихожане церкви Ивана Богослова в Китай-городе пытались устроить при ней «гимнасион» для преподавания грамматики, славянского, греческого и латинского языков «и прочих свободных учений». Вскоре (в 1680 г.) открылась особая школа при Печатном дворе, где обучение велось также по преимуществу языкам. Наконец, в 1685 г. под руководством братьев Лихудов начались занятия в Московской Славяно-

греко-латинской академии, соединившей в своих стенах изучение обоих классических языков (греческого и латинского), но преимущество отдававшей греческому.

Московская Славяно-греко-латинская академия была первым высшим учебным заведением в России и имела много учеников. Она давала по тем временам весьма высокое образование: в ней, по учебникам Лихудов, преподавались логика, психология, «физика, или естественная философия». Один из ее учеников, Петр Постников, был первым русским, получившим докторскую степень в Падуанском университете. Заслугой Академии было расширение кругозора учащихся, приобщение к философской мысли древнего мира, выработка научно-логических навыков.

Но открытие академии не разрешало школьного вопроса в России. Образованность XVII в. не была той образованностью, которая могла ответить запросам все усложняющейся жизни. В основном она сохраняла средневековый характер, была оторвана от задач познания и овладения силами природы.

Необходима была коренная ломка всей системы образования, отказ от его средневековой ограниченности, без чего не могло совершаться поступательное движение науки и техники. Необходимо было создание светских ученых учреждений, систематически разрабатывающих определенные отрасли науки. Необходимо было широкое развитие теоретических знаний, без чего не могло совершаться и развитие техники.

Таким образом, канун Петровских реформ в истории русского просвещения отмечен резким противоречием между старой формой образования и новыми потребностями, между стремительным движением вперед и сковывающими это движение «ученическими» приемами обучения. Отсутствие ученых учреждений и древнерусские формы просвещения встали преградой перед бурным потоком нового творчества, перед все усложнявшимися потребностями русской культуры.

*

Оглянемся назад — на развитие русской культуры с X по XVII в. Мы видим, что русская культура за эти восемь веков создала немало непреходящих ценностей.

Особенно высокие ценности были созданы в области художественной. Богатое формами, разнообразное по стилям русское зодчество отнюдь не отставало от западноевропейского. «Подводя итоги всему, что сделано Россией в области искусства, — писал И. Э. Грабарь, — приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чуть е пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм, — словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа».¹⁹

Своеобразные ценности были созданы в живописи. Всемирно известные фрески Новгорода и прославленные русские иконы составляют одну из самых больших гордостей русского народа. Фрески и иконы в каждую из эпох представляли очень высокую ценность. Прекрасные вещи были созданы в области прикладного искусства.

В литературе мы имеем ряд превосходных произведений — таких, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Повести об азовском осадном сидении казаков», «Повесть о Горе-Злочастии», сочинения протопопа Аввакума.

Но особенного развития достигла в древней Руси историческая литература: грандиозное по размерам и исключительно тщательное летописание, хронографы, исторические повести и т. д. Исторические сочинения поддерживали патриотизм русского народа, сознание своего единства и общности происхождения и интересов с братскими народами Украины и Белоруссии. Знание родной истории было очень высоким в древней Руси и сыграло выдающуюся роль в русской истории.

Культурные ценности создавались русским народом в неимоверно тяжелых условиях: в условиях двухсотлетнего татаро-монгольского ига и жесточайшей эксплуатации трудящихся.

Явно отставала наука — теоретическое знание, хотя практические знания были очень богаты, и именно они

¹⁹ И. Грабарь. История русского искусства, т. I, М., 1910, стр. 4.

обусловили быстрое развитие русской науки в XVIII и XIX вв.

Великое искусство древней Руси и ее обширная литература были той питательной почвой, на которой выросло русское искусство и русская реалистическая литература XIX—XX вв.

Канун Петровских реформ начала XVIII в. застал русскую культуру как раз в тот период, когда в нем были накоплены величайшие возможности будущего развития. Чтобы полностью проявиться этим возможностям, надо было сломать старые формы развития культуры, перевести это развитие на светские начала, освободиться от гегемонии церкви, создать условия для накопления и передачи знаний в школах, в академиях, в научных сочинениях, в теоретических обобщениях, создать новые формы литературы, поэзии, театра, значительно расширить книгопечатание и общение с другими странами для обмена опытом, знаниями и художественными достижениями.

Все это и было сделано в XVIII и XIX вв.